

О ПАМЯТИ И ПРИПОМИНАНИИ

1. О памяти (*μνήμη*) и способности помнить (*μνημονεύειν*) следует сказать, что она такое и по какой причине возникает и какой из частей души свойственно это состояние, равно как и состояние припоминания (*ἀνάμνησις*). Действительно, не одни и те же суть помнящие и припоминающие, но обычно лучшей памятью обладают медлительные, а легче припоминают проворные и сметливые. Поэтому прежде всего надо рассмотреть, о каких предметах может быть память, так как люди часто заблуждаются относительно этого.<sup>1</sup> Нельзя помнить будущего, ибо оно предмет мнения и предвидения (пожалуй, могла бы существовать даже наука, основанная на предвидении, каковой некоторые считают мантику<sup>2</sup>); нет памяти и о настоящем, ибо оно постигается ощущением – мы ведь не познаем ощущением ни будущего, ни прошлого, но только настоящее. Память же есть память о прошлом. Никто не сказал бы, что помнит настоящее, когда оно налицо, как например вот это белое, когда я его вижу; или что он помнит умозримое, когда ему случится созерцать и мыслить, но он скажет, что первое он только ощущает, а второе – только познает. Когда же, не совершая никакого действия, он будет обладать знанием и ощущением, вот тогда он будет помнить [что углы треугольника равны двум прямым],<sup>3</sup> что одно выучил или видел мысленным взором, а другое – слышал или видел, или т.п. Ибо всякий раз, когда он действительно вспоминает, он как бы говорит в душе, что раньше уже слышал, ощущал или мыслил об этом. Поэтому память не есть ни ощущение, ни постижение,<sup>4</sup> но – приобретенное свойство или состояние чего-то из них по прошествии времени. О настоящем же в момент настоящего нельзя помнить, как уже было сказано, но настоящее постигается ощущением, будущее – предвидением, а прошедшее – памятью. Значит, любая память – вместе со временем. И значит, помнят только те животные, у которых есть ощущение времени, причем, помнят тем же, чем и ощущают.

Поскольку о воображении (*φαντασία*) было сказано раньше в сочинении *О душе*,<sup>5</sup> то [будем считать установленным, что] мышление невозможно без продукта воображения – представления (*φαντάσματος*). В самом деле, в процессе мышления происходит то же, что и при черчении: даже если нам совершенно не важно, что у треугольника есть определенная величина, мы все же чертим треугольник определенной величины – так же и мыслящий: даже если он мыслит не величину, он помещает величину перед глазами, хотя и мыслит ее не как величину; а если его предмет по природе относится к величинам, хотя и неопределенным, то он полагает его величиной определенной, а мыслит только как величину. Почему невозможно ничего мыслить без величины, и вне времени нельзя мыслить не находящееся во времени – другой вопрос, но [ясно, что для того, чтобы мыслить,] необходимо знать, что такое величина и движение, а тем самым – и что такое время. Ясно и то, что знание об этом свойственно первому ощущающему.<sup>6</sup> Память же, в том числе, и о мыслимом, не может обойтись без представления, представление же есть состояние общего чувства, так что уму память будет свойственна по совпадению, а сама по себе будет принадлежать первому ощущающему.<sup>7</sup> Вот почему память присуща и некоторым другим животным, а не только людям и тем, кто обладает мнением и разумением. А если

449b4

10

15

20

25

30

450a

5

10

15

бы память была какой-то частью мыслительных способностей, то не была бы свойственна большинству других животных и, возможно, ни одному из животных неразумных, ведь даже и так она присуща не всем, ибо не у всех есть ощущение времени. В самом деле, когда человек действительно помнит, что он что-то видел, слышал или выучил, он – как мы уже сказали – осознает, что это было раньше. Но раньше и позже – во времени. Итак, какой части души принадлежит память, ясно: той, которой и воображение. И предметами памяти в собственном смысле являются те, которые можно вообразить, а уже по совпадению – те, которые не связаны с воображением.

Но возможно кто-то спросит, почему порой, когда состояние (*πάθος*) наличествует, а вещь – нет, вспоминается то, чего нет?<sup>8</sup> Ведь ясно, что возникающее в душе благодаря ощущению и обладающей этим ощущением части тела, нужно мыслить как некое изображение, свойством которого, говорим мы, и является память. Дело в том, что возникающее движение запечатлевается словно отпечаток ощущаемого предмета, точно так же как запечатлеваются отпечатки перстней. Поэтому у тех, кто из-за страсти или по причине возраста пребывает в интенсивном движении, не возникает памяти, как если бы движение или перстень-печатка попали в текущую воду. У других же память не возникает потому, что они стираются как старые стены, а также потому, что из-за неподатливости воспринимающего воздействие, в нем не возникает отпечатка. Вот почему слишком молодые или слишком старые ничего не помнят - они текут: одни из-за роста, другие из-за разрушения. Точно так же ни очень проворные, ни очень медлительные не кажутся памятьливыми, поскольку первые – чересчур влажные, а вторые – чересчур твердые, так что у одних представление не задерживается в душе, а у других – не появляется.

Но если сказанное о памяти верно, то вспоминает ли [душа] само это воздействие или то, что его вызвало? Если само воздействие, то мы не помнили бы об отсутствующем. Если же то, что его вызвало, то каким образом, ощущая воздействие, мы будем помнить то, чего не ощущаем, - отсутствующее? Если воздействие похоже на отпечаток или рисунок в нас, то почему восприятие этого отпечатка будет памятью о чем-то другом, а не о самом этом отпечатке? Ведь тот, кто осуществляет действие памяти, созерцает и ощущает это воздействие. Почему же тогда мы вспоминаем и о том, чего нет? Ведь тогда можно было бы видеть и слышать отсутствующее. Или все-таки такое возможно и так случается? Как нарисованное на картине животное есть одновременно и животное, и изображение, и оба они тождественны и есть нечто одно, хотя бытие у них и разное, так что можно рассматривать одно и то же и как животное и как изображение, - так же точно и находящееся в нас представление нужно полагать и чем-то самим по себе существующим и относящимся к чему-то другому. Взятое само по себе, оно есть предмет созерцания и представление, а как относящееся к другому – есть как бы образ и воспоминание. Поэтому когда оно приходит в движение, то в случае, если душа ощущает его как нечто само по себе существующее, кажется, будто в голову пришла некая мысль или представление; если же душа ощущает его как относящееся к другому и рассматривает его как изображение на картине, например, как изображение Кориска, когда самого Кориска я не вижу, то здесь у созерцания будет уже другое состояние, подобное тому, когда рассматривают нарисованное животное, и в душе одно окажется как бы только мыслью, а другое, сравнимое с упомянутым изображением – воспоминанием.<sup>9</sup>

Поэтому, когда у нас в душе происходят подобные движения, мы иногда не знаем, связаны ли они с тем, что мы ощущали раньше, и сомневаемся, память это или нет. Но иногда нам случается понимать и припоминать, что мы прежде нечто видели или слышали: это происходит, когда, рассматривая представление как нечто самостоятельное, мы изменяемся и начинаем рассматривать его как относящееся к другому. Возможно и обратное, как случилось с Антиферонтом из Орея<sup>10</sup> и со многими другими помешанными: они считали продукты своего воображения произошедшим [в действительности] и думали, что вспоминают о нем. Такое происходит, когда не являющееся изображением рассматривают как изображение. Занятия развивают память благодаря повторению, которое есть не что иное как частое созерцание [одного и того же] как изображения, а не как существующего самостоятельно. Итак, что есть память и воспоминание, сказано – это свойство представления, взятого как изображение того, о чем представление; и сказано, какой части нас самих она принадлежит – первому воспринимающему и тому, чем мы ощущаем время.

2. Осталось сказать о припоминании. Но прежде, примем в качестве известного все то, что было истинно установлено в диалектических сочинениях.<sup>11</sup> А именно: что припоминание не есть ни восстановление памяти, ни ее приобретение. В самом деле, когда [человек] в первый раз что-то узнает или испытывает, он и не восстанавливает свою память (потому что никакой памяти до этого не было), и не приобретает впервые. Потому что память есть тогда, когда состояние или воздействие уже находятся в душе, а значит, пока воздействие продолжается, память не возникает.

Далее: когда [воздействие] впервые достигает последнего и неделимого,<sup>12</sup> то воздействие и знание (если только можно называть состояние или воздействие знанием) уже находятся в испытанном воздействии, сама же по себе память появляется не раньше, чем по прошествии некоторого времени (впрочем, ничто не мешает нам вспомнить по совпадению кое-что из известного нам<sup>13</sup>). Ведь [человек] помнит в настоящий момент то, что видел или испытал раньше, а не то, что испытал сейчас, сейчас же и вспоминает.

Далее: ясно, что помнит не тот, кто сейчас припоминает, а тот, кто прежде что-то ощутил или испытал.<sup>14</sup> Когда же он возвращает себе прежнее знание или ощущение, или что-то еще, состоянием чего мы называли память, то это и есть припоминание названного. А вслед за [при]поминанием<sup>15</sup> случается следовать и памяти. Однако упомянутые выше [ощущение или знание] не появляются снова просто потому, что имели место раньше. Они могут появиться, а могут – нет. Так, один и тот же человек может дважды изучать и исследовать одно и то же. Поэтому припоминание должно отличаться от этих вещей [повторного изучения и исследования] и восстанавливать знание, исходя из более сильного внутреннего начала, нежели то, из которого исходят обучающиеся.<sup>16</sup>

Появляются же припоминания оттого, что одно движение естественным образом следует за другим. Если это происходит по необходимости, то ясно, что вслед за одним начавшимся движением начнется и другое. Если же – не по необходимости, а по обыкновению, то второе движение будет начинаться в большинстве случаев. Бывает, что к некоторым движениям мы сразу привыкаем сильнее чем к многократно повторяющимся. Поэтому, увидев однажды некоторые вещи, мы помним их лучше чем те, которые видели много раз. Выходит, что когда мы припоминаем, мы совершаем какое-то из прежних движений и делаем это до

тех пор, пока не начнем совершать движение, которое обычно следует за первым. Вот почему, отыскивая следующее воспоминание, мы мысленно отталкиваемся или от настоящего момента, или от какого-то другого, а также от сходства, противоположности или близости [воспоминаний].<sup>17</sup> В результате – возникает припоминание, так как вызванные этими воспоминаниями движения либо тождественны, либо одновременны, либо одно содержит в себе часть другого, так что начавший двигаться следом за ним остаток составляет малую долю целого.

Итак, хотя [воспоминания] отыскивают указанным способом, их можно припомнить и без этих поисков, если только нужное движение начнется сразу после [какого-то] другого.<sup>18</sup> Но чаще всего оно начинается тогда, когда возникают те движения, о которых мы говорили выше. Впрочем, нужно исследовать не то, как мы [при]поминаем<sup>19</sup> далекое, но – как близкое. Потому что способ, очевидно, один и тот же. Обычно движения следуют друг за другом – это после того, – поэтому когда человек захочет [что-то] припомнить, он будет делать следующее: он попытается отыскать начало того движения, за которым следует нужное ему. Вот почему быстрее и лучше всего появляются воспоминания, исходящие из начала. Ибо как сами предметы составляют друг с другом определенную последовательность, так и движения. И хорошо запоминается то, что расположено в определенном порядке, как знания. Другие же вещи запоминаются плохо и с трудом. Вот этим-то и отличается припоминание от повторного изучения: в первом случае [человек] может каким-то образом прийти к тому, что за началом, самостоятельно. Если же он делает это не сам, а благодаря другому, то он больше не помнит.<sup>20</sup> Но зачастую [человек], который уже не в состоянии припомнить, обретает эту способность в ходе исследования и находит [искомое]. Происходит же это с теми, кто приводит в движение многое, пока не начнет совершать то движение, за которым последует предмет. Ведь помнить значит заключать в себе движущую силу, то есть, как уже было сказано, приходить в движение благодаря самому себе и имеющимся у тебя движениям. А для этого нужно исходить из начала. Вот почему кажется, что люди иногда припоминают, исходя из определенных мест (*τόπων*).<sup>21</sup> Дело в том, что они быстро переходят от одного к другому: например, от молока – к белизне, от белизны – к воздуху, от воздуха – к влаге, а припомнив влагу, человек припоминает осень – время года, [воспоминание] о котором он искал.

Но и середина вещей во всех отношениях подобна началу. Потому что если человек не вспомнил раньше, то он вспомнит, дойдя до нее. Если же нет, то он не вспомнит, даже исходя из другого начала. Например, если кто-то держит в уме ряд предметов *A, B, Γ, Δ, E, Z, H, Θ, “Γ”*, то в случае, если он не припомнил [искомого предмета, находясь] на *I*, он может вспомнить его, дойдя до *E*.<sup>22</sup> Ведь от *E* можно двигаться в обе стороны – и к *Δ*, и к *Z*. И если человек искал не какой-то из этих предметов, а *A* или *B*, то он вспомнит их, дойдя до *Γ*, а если не их [но *Θ* или *Π*], то дойдя до *H*, и так всегда. Тот факт, что исходя из одной и той же вещи, мы иногда вспоминаем, а иногда нет, объясняется тем, что от одного и того же начала можно двигаться во многих направлениях, как например от *Γ* – в сторону *B* или *Δ*. Поэтому, когда припоминают спустя долгое время, то движутся к тому, что привычнее, ибо привычка уже стала природой. Вот почему мы быстро припоминаем то, что часто обдумываем, ибо как в природе одно идет за другим, так и в деятельности, а частое повторение делается природой. И так же как в природе что-то происходит против природы, а что-то случайно, так и в еще

большей степени в сфере привычного, где природа действует не одинаково, отчего движение совершается то в нужном направлении, то в другом. Последнее происходит, когда что-то сбивает нас и отвлекает в сторону. Вот почему, когда нужно припомнить какое-то имя, а нам известно другое, схожее с ним, мы ошибочно употребляем неправильное вместо правильного.

Итак, припоминание происходит указанным образом. Но самое главное, [чтобы помнить и припоминать] необходимо знать время – будь то измеренное или неопределенное. Допустим, существует нечто, благодаря чему [человек] различает большие и меньшие промежутки времени.<sup>23</sup> Скорее всего, он различает их так же, как и величины. А именно: большие и удаленные предметы он мыслит, не простирая к ним разум наподобие того, как это делает зрение, по утверждению некоторых (потому что разум способен мыслить предметы, даже когда их нет), а благодаря пропорциональному предметам движению, поскольку разум содержит в себе схожие фигуры и движения. Но тогда, мысля предметы большей величины, как он отличит, что мыслит [именно] их, а не меньшие?<sup>24</sup> Ведь все, что внутри – меньше, причем в пропорциональном отношении. Не исключено, что как для фигур разум может найти в себе нечто пропорциональное, так и для расстояний. Например, если он совершает движение  $AB$   $BE$ , он создает движение  $ГД$ , потому что  $AG$  и  $ГД$  пропорциональны [соответственно  $AB$  и  $BE$ ]. Но тогда почему он создаст, скорее,  $ГД$ , а не  $ZH$ ? Может быть, потому, что  $AG$  относится к  $AB$  как  $\Theta$  к  $I$ ? Следовательно, эти движения разум совершает одновременно. Если же он захочет помыслить  $ZH$ , то  $BE$  он будет мыслить точно так же, а вот вместо  $\Theta$  и  $I$  он будет мыслить движения  $K$  и  $L$ . Потому что они относятся друг к другу как  $ZA$  к  $BA$ .<sup>25</sup>

Итак, когда движение, вызванное предметом, и движение, вызванное временем, происходят вместе, тогда осуществляется действие памяти. Если же человек не совершает [указанные движения], но при этом думает, что совершает, то ему только кажется, что он помнит. Ведь ни что не мешает нам заблуждаться и думать, что мы вспоминаем, когда на самом деле не помним. Наоборот, когда мы действительно помним, мы не можем не считать себя помнящими и забыть об этом. Потому что как раз это и есть память [- осознание себя в качестве помнящего]. Когда же движение, вызванное предметом, и движение, вызванное временем, происходят отдельно друг от друга, то памяти нет. Движение времени двояко. Иногда мы не помним его точной меры, например, что сделали то-то и то-то третьего дня, а иногда – помним, впрочем, память есть и в том случае, если мы помним время не точно. При этом люди обычно говорят, что они помнят [какое-то событие], но когда [оно произошло] не знают, потому что не знают точного количества прошедшего времени.

Итак, что не одни и те же являются помнящими и припоминающими – сказано выше. Припоминание отличается от памяти не только временем, но и тем, что памяти [помимо человека] причастны и многие другие животные, припоминание же, можно сказать, не свойственно ни одному из известных животных, кроме человека. Причина же заключается в том, что припоминание есть как бы некое умозаключение: припоминающий заключает, что прежде он что-то видел, слышал или как-то иначе испытал, так что его состояние напоминает некий поиск, а это по природе свойственно только существам, обладающим волей. Ведь воля есть некое умозаключение.

А что состояние [памяти] есть нечто телесное, и что припоминание есть поиск

созданного воображением образа в этом телесном субстрате, подтверждается тем, что некоторые люди приходят в беспокойство, когда не могут припомнить чего-то, сильно напрягая мысль, и припоминают ничуть не хуже, когда совсем не собираются этого делать. Особенно это свойственно меланхоликам, так как воображаемые образы приводят этих людей в движение сильнее чем других. А причина того, что припоминание не в их власти, заключается в том, что как не во власти бросивших остановить, так и припоминаящий и ищущий приводят в движение что-то телесное, в чем запечатлено это состояние. Особенно это беспокоит тех, у кого вокруг органа общего чувства оказывается много влаги,<sup>26</sup> так как приведя ее в движение, ее трудно остановить, пока искомое опять не придет в голову и движение не выровняется. Вот почему приступы гнева и страхи, приведя что-то в движение, не останавливаются, даже если им оказано противодействие, но продолжают двигаться в том же направлении. Это состояние подобно тому, когда у кого-то на языке неудержимо вертится какое-то имя, песня или слово. Даже сдерживаясь и не желая ни говорить, ни петь, такой человек вынужден делать это снова и снова.

Люди, у которых верхняя часть тела больше нижней, а также карлики менее памятьливы нежели люди противоположного строения, потому что у них вблизи органа общего чувства сосредоточена большая тяжесть, так что движения не могут ни сразу запечатлеться в нем, поскольку рассеиваются, ни с легкостью выравниваться при попытке что-то припомнить. Что же касается очень юных или слишком старых, то они ничего не помнят из-за движения, поскольку одни вовлечены в быстрый рост, а другие – в увядание. А кроме того, до определенного возраста дети напоминают своим строением карликов.

Итак, относительно памяти и способности помнить сказано, какова их природа и какой частью души живые существа помнят, а также относительно припоминания, что оно такое, как и по какой причине возникает.

(пер. С. Месяц)

<sup>1</sup> Вопрос, который волнует Аристотеля в этом трактате: можно ли помнить умопостигаемые предметы, или предметом памяти в собственном смысле является только чувственно воспринимаемое? Не исключено, что этот вопрос спровоцирован платоновским учением об анамнесисе, предполагавшим способность человеческой души помнить вечные идеи, которые она созерцала до своего рождения в теле. Это учение некогда разделял и сам Аристотель (см. фрагменты его трактата *Евдем или О душе* в кн.: *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*, ed. V. Rose, (Leipzig, 1886), fr. 41), однако в последствии он полностью от него отказался.

<sup>2</sup> Аристотель имеет в виду весьма развитое в древности искусство толкования сновидений и предсказания по внутренностям животных. Сам он посвятил мантике специальный трактат *О предсказаниях во сне (De divinatione per somnum)*, также входящий в состав *Parva naturalia*. В нем провидческие сновидения объясняются с чисто физиологической точки зрения.

<sup>3</sup> Текст в прямых скобках представляет собой либо схолию (как считают Freudenthal и Biehl), либо вставку самого Аристотеля. Последнее предположение высказал P. Gohlke в кн.: *Aristoteles, Kleine Schriften zur Seelenkunde* (Paderborn, 1953), S. 10, 184.

<sup>4</sup> «Постижение» (*ὑπόληψις*) или, как в русском переводе – «составление суждений», выступает у Аристотеля в трактате *О душе* (III, 3, 427b) в качестве родового понятия, охватывающего такие виды мыслительной деятельности как «познание, мнение, разумение и противоположное им» (*εἰσὶ δὲ καὶ αὐτῆς τῆς ὑπόληψεως διαφοραί, ἐπιστήμη καὶ δόξα καὶ φρόνησις καὶ τὰναντία τούτων*)

<sup>5</sup> *О душе*, III, 3, 428a-429a. О связи воображения и мышления см. III, 7, 431b; III, 8, 432a 8f.

<sup>6</sup> Общему чувству. См. *О душе* II, 6, 418a 16f

<sup>7</sup> Мышление невозможно без представлений, связанных с величиной и временем, но величины и время постигаются общим чувством, следовательно, и воображение относится к нему же. Мышление, таким образом, обрабатывает данные общего чувства или «первого ощущающего», которые и будут предметом умозрения в собственном смысле. Память об умозримом будет поэтому памятью о продуктах воображения, а значит она свойственна не самому по себе мышлению, а общему чувству. Кроме того, память связана со временем, а это – тоже одно из ощущений общего чувства.

<sup>8</sup> Мы можем вспомнить, что знаем того или иного человека, когда встретим его, и в этом случае в наличие имеется и сама вещь, и вызванное ею состояние. Но можно помнить человека, и не видя его. Почему такое возможно, Аристотель обсуждает в этом параграфе.

<sup>9</sup> Когда мы рассматриваем продукт воображения как таковой, мы не всегда можем быть уверены, что ему соответствует нечто реально виденное или слышанное нами.

<sup>10</sup> По свидетельству Александра Афродисийского и Михаила Эфесского, Антиферонт из Орея (город на о. Эвбея) был тем самым человеком, о котором Аристотель упоминает в *Метеорологике* 373 b4-10: «так, например, с человеком, смутно и нечетко видящим, случалось временами, что когда он шел, ему казалось, будто перед ним все время идет обращенный к нему призрак. Это происходило оттого, что его зрительный луч отражался обратно к нему самому. Зрительный луч из-за болезни был настолько слаб и вконец обессилел, что даже окружающий воздух становился для него зеркалом и он не мог его отодвинуть» (пер. Н. Брагинской). По словам комментаторов, несмотря на естественную причину появления призрака, сам Антиферонт считал его своим ожившим воспоминанием. См. *Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis meteorologicorum libros commentaria*, 147, 32; *Michaelis Ephessii in parva naturalia commentaria*, 17, 30.

<sup>11</sup> *ἐν τοῖς ἐπιχειρηματικοῖς λόγοις*. По мнению Михаила Эфесского, Аристотель ссылается здесь на свои научные произведения, входящие в состав т.н. *Физических проблем*, в которых вопрос об отличии припоминания от памяти уже рассматривался. См.: *Michaelis Ephessii in parva naturalia commentaria*, 20, 16: «“Диалектическими сочинениями” Аристотель называет *Проблемы*. Смысл же его слов таков: все, что у нас было сказано и обстоятельно доказано относительно припоминания в *Проблемах*, будем считать здесь общепризнанным и не будем приводить доказательств того же самого, ибо доказанное однажды не следует доказывать вновь». Тем не менее в дошедших до нас *Физических проблемах* вопрос о припоминании не обсуждается. В отличие от Михаила, Фемистий полагает, что упомянутыми диалектическими сочинениями могли быть записи практиковавшихся в Ликее и древней Академии дискуссий по спорным вопросам. См.: *Themistii (Sophoniae) in parva naturalia commentarium*, CAG, 5.6, 7, 11. Тем более, что в списке аристотелевских произведений у Диогена Лаэртца упоминаются три сочинения с похожим названием: №33 *ὑπομνήματα ἐπιχειρηματικά γ*, №65 *ἐπιχειρημάτων α, β*; №70 *θέσεις ἐπιχειρηματικά κε*.

<sup>12</sup> *τῷ ἀτόμῳ καὶ ἐσχήτῳ* – речь идет либо об индивидууме, последнем и неделимом виде всякого рода (такое мнение Р. Gohlke, *Ibid*, S. 68), либо об общем чувстве, в котором оканчиваются пути всех ощущений, и которое, по сравнению с пятью обособленными друг от друга чувствами является чем-то единым и не делимым на части (*О душе*, 426 b16). Последней точки зрения придерживается большинство античных и средневековых комментаторов.

<sup>13</sup> Аристотель имеет в виду ситуацию, описанную Платоном в *Федоне* (74d): когда вид одной вещи вызывает в нас мысль о другой, известной нам ранее. Именно такое состояние Платон обычно называл припоминанием.

<sup>14</sup> Михаил Эфесский, комментируя раздел о припоминании, постоянно упрекает Аристотеля в неясности. О смысле некоторых параграфов, по его словам, можно только догадываться. *In parva naturalia*, 22, 25: *ἀσαφῶς δὲ πάντα ἀπαγγέλλει*.

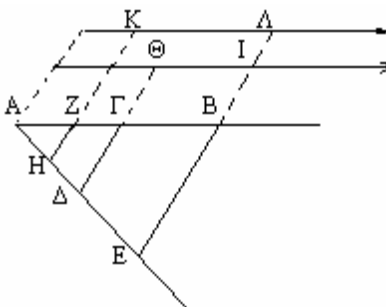
<sup>15</sup> Мы принимаем чтение Михаила Эфесского: *ἀναμνησκεσθαι* вместо: *μνημονεύειν*. *Ibid*, 23, 24.

<sup>16</sup> Любое обучение и любое рассудочное знание исходит, - по словам Михаила Эфесского (*Ibid*, 24, 7), - из уже имеющегося в душе знания. И в этом оно отчасти схоже с припоминанием. Последнее, впрочем, должно исходить «из более сильного внутреннего начала», которое само собой, без какой-либо внешней помощи способно восстанавливать то, что мы знали раньше. Например, когда, помня начало первой строчки *Илиады*: «Гнев, Богиня, воспой...», мы на основании этого могли бы припомнить и всю строчку целиком: «Гнев, Богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына!» *Michaelis Ephessii Ibid*, 23, 17.

<sup>17</sup> Аристотель говорит здесь об ассоциативных рядах, позволяющих нам припомнить ту или иную вещь. Эти ряды могут выстраиваться на основании сходства, когда, например, видя изображенную на картине лиру, мы вспоминаем о настоящей лире, от нее переносимся мыслью к знакомому музыканту и, наконец, - припоминаем песню, которую он пел. Но ассоциативный ряд может выстраиваться и по

противоположности: когда, видя белое, мы вспоминаем о черном. Или на основании близкого расположения воспоминаний: так вспомнив первую строчку *Илиады*, мы можем вспомнить и несколько следующих стихов. Эти и другие примеры см.: *Michaelis Ephessii Ibid*, 26, 7.

- <sup>18</sup> Под «другим» Аристотель понимает движение, не связанное с искомым воспоминанием ни одним из перечисленных видов ассоциативной связи: ни подобием, ни противоположностью, ни близостью.
- <sup>19</sup> Мы опять следуем чтению Михаила Эфесского, *Ibid*, 27, 28: «я думаю, что и в этой фразе слово “помним” употреблено в значении “припоминаем”».
- <sup>20</sup> Здесь Аристотель опять спорит с Платоном, который считал, что знание и обучение (*μάθησις*), по существу, представляют собой припоминание (*ἀνάμνησις*) идей.
- <sup>21</sup> Возможно, Аристотель говорит здесь о широко применявшемся в риторических школах античности мнемоническом методе, когда созданные воображением яркие образы предметов, которые требовалось запомнить, размещались (опять-таки в воображении) на определенных местах: например, в разных частях хорошо знакомой комнаты или на углах известной улицы и т.д. Д. Росс в оксфордском издании *Parva naturalia* указывает на два других упоминания этой мнемонической техники в произведениях Аристотеля: *Топика*, 163 b28 и *О душе*, 427 b18. Подробное описание этого метода оставил нам неизвестный автор трактата *Ad Herennium* (ed. H. Caplan, L.: LCL, 1954), предположительно, римский учитель риторики, живший в I в. до н.э. Кроме того, о способах приобретения искусственной памяти писали такие известные римские ораторы как Квинтилиан (*Institutio oratoria*, XI, II, 14-16) и Цицерон (*De oratore*, II, LXXXVII, 58). Однако указанные мнемонические правила были известны уже в древней Греции. Традиционно первооткрывателем метода запоминания, основанного на «местах и образах» (*memoria ex locis et imaginibus*), считался греческий поэт VI – V вв. до н.э. Симонид Кеосский. См. исследование Ф. А. Yates, *The Art of Memory* (L.: The University of Chicago Press, 1966).
- <sup>22</sup> Не обязательно пробегать в уме весь ассоциативный ряд для того, чтобы припомнить тот или иной предмет. Нужное воспоминание может появиться в любой момент и быть вызвано любым членом ряда. Вот пример, который приводит Фемистий: допустим, мы держим в уме ряд ассоциаций: Афины, Ликей, дом Платона, начало месяца, пир, Сократ, игра Сократа на лире, лира. Тогда, вспомнив о пире, мы можем тотчас припомнить и лиру, а если этого не случится, то нас приведут к лире следующие за пиром ассоциации. Тем самым середину ассоциативного ряда мы будем использовать в качестве отправного пункта (начала) наших поисков. См. Themistii, *Ibid*, 11, 19.
- <sup>23</sup> Как было сказано выше, человек ощущает время благодаря общему чувству.
- <sup>24</sup> Место считается испорченным: *Τῖνι οὖν διοίσει, ὅταν τὰ μείζω νοῆ, ὅτι ἐκεῖνα νοεῖν ἢ τὰ ἐλάσσω*. Большинство комментаторов и переводчиков, внося небольшие изменения, разбивают это предложение на вопрос и ответ. Михаил Эфесский помещает *ἢ* перед *ὅτι*, E. Rolfes оставляет союз на месте, но заменяет его на *ἢ*. P. Gohlke подобно Михаилу Эфесскому переставляет *ἢ* и добавляет *εἶναι* после *ἐκεῖνα*. Нам эти изменения не кажутся необходимыми, поэтому мы придерживаемся здесь текста W. D. Ross'a.
- <sup>25</sup> Михаил Эфесский комментирует этот пассаж следующим образом (*In parva naturalia*, 34, 30-35,5): «во-первых Аристотель показывает, что предметы внутри и снаружи пропорциональны; во-вторых, что вместе с воспоминанием о вещах появляется и ощущение времени; наконец, в третьих он утверждает, что и отрезки времени пропорциональны друг другу».



Если Михаил правильно реконструирует ход рассуждения Аристотеля, то отрезки *AB* и *BE* представляют собой движения, вызванные в душе внешними предметами, а *AG*, *ГД* и *AZ*, *ZH* суть движения, соответствующие предметам внутренним – мыслям, представлениям и воспоминаниям. Поскольку все внутреннее «меньше» внешнего, отрезки *AG*, *ГД* и *AZ*, *ZH* меньше отрезков *AB* и *BE*. Допустим, что один из внешних предметов (*AB*) больше чем другой (*BE*). Каким образом душа узнает об этом? Она будет в состоянии правильно оценить соотношение величин *AB* и *BE*, если соответствующие этим предметам «внутренние» представления *AG* и *ГД* будут находиться в том же



---

отношении друг к другу, что и сами предметы. Однако в этом случае одному и тому же внешнему предмету могут соответствовать сразу несколько внутренних образов. Например, предмет *BE* может отображаться в душе и в виде представления *ГД*, и в виде *ZH*. Однозначное соответствие между внешним и внутренним достигается благодаря ощущению времени, которым, по мнению Аристотеля, сопровождается ощущение внешних предметов. Если *I* – время, потребовавшееся душе, чтобы совершить движение *AB*, а  $\Theta$  – соответствующее ощущение этого времени, то очевидно, что последнее должно равняться по длительности мыслительному движению *AG*. Поэтому *AG* относится к *AB* так же, как  $\Theta$  к *I*. Если бы душа захотела помыслить какой-то другой предмет (*ZH*), то он сопровождался бы уже другим временным ощущением (*A*). Схема, которая, по-видимому, сопровождала когда-то этот пассаж, не сохранилась. Поэтому многочисленные комментаторы и переводчики трактата восстанавливают ее каждый – по своему. См. John E. Sisko, “Space, Time and Phantasms in Aristotle, *De memoria 2*” in: *The Classical Quarterly*, New Series, v.47, Issue 1, (1997), p. 167-175. Мы тоже предлагаем собственную схему, опираясь на вышеприведенное толкование.

<sup>26</sup> То есть очень много крови находится вокруг сердца, поскольку именно сердце, согласно Аристотелю, является органом общего чувства. См. *О частях животных*, 665a 10-13; 678b 1-4; *О юности и старости*, 467b 14 - 678a 1; *О сне и бодрствовании*, 455b 34 – 456a 4.